

Наука открывать

Великий Пушкин считал, что литература у нас есть, а критики у нас нет. Поэт имел право сказать многое...

В консерватории мы любили студентов-теоретиков. Их, будущих музыковедов и критиков, мы называли «ходячими энциклопедиями». Казалось, в любой момент они могли «выдать» нужную информацию, не задавая высокомерного вопроса: «Зачем это тебе?», решить задачку по гармонии и «набросать» творческий облик композитора. Ещё было у этих «знатоков» хобби - создавать свой шуточный словарь. Например: «садист» – студент на родительском огороде, «си ля ми» – такова наша жизнь (фр.), а ещё: «кретинизм» – явление в музыкальной критике. И здесь нет перехода к последующей теме моих размышлений, это всего лишь пример того, что самоирония всегда была признаком высокого уровня культуры.

Лирика моих воспоминаний прерывается контрастом просмотра свежих газет с критическим разбором событий жизни театра. Мне почему-то всегда кажется, что критик ходит только на премьерные спектакли, а просто сходить в оперу без «заказа на материал» ему вроде бы и некогда. Почти всегда от информации о том, что в оперном театре состоялась премьера, мастер слова плавно модулирует к событиям, происходящим на сцене. Основной герой спектакля – режиссёр, почва для критики – его интерпретация сценического произведения. И это понятно: замысел новой постановки давно уже стал прерогативой одной-двух творческих личностей, а осуществляет его целый коллектив. Бывает, сами исполнители не понимают идеи, но вынуждены иллюстрировать её для зрителя.

Ну, это всё на сцене. А по каким это таким признакам читатель узнаёт, что премьера состоялась всё-таки в музыкальном театре? А, - вот! Цитирую: «Певцы и оркестр не всегда находили друг друга». Оказывается, в спектакле принимал участие оркестр! А если учесть, что речитативы в опере не говорят, а поются, то можно предположить, что музыка звучала на протяжении всего спектакля! Впрочем, иногда бывает даже целый критический разбор исполнительского вклада оркестра: «Большинство недостатков полностью компенсируется музыкальной стороной. Лёгкую,

жизнерадостную музыку подарил слушателям оркестр, игравший на удивление (!!!) слаженно и вдохновенно». Встречается и мнение «наоборот»: «Получился спектакль, в котором всё захватывает, и это начисто перекрывает все музыкальные огрехи, которые здесь, безусловно, есть». А вот критик, который не только обладает чувством юмора, но даже послушал увертюру: «Пока оркестр вяло добирается до восторженной темы молодости и счастья, открывается занавес».

К туманному искусству дирижёра у критиков просто дипломатический подход: «Дирижёр, насколько могу судить (?!), был достаточно точен». Возникает мысль, что даже критики не догадываются, какую роль играет в оперном спектакле дирижёр. Для сравнения – реплика из зала: «А зачем вам дирижёр, вы же по нотам играете!». Конечно, на такие перлы способны иногда даже некоторые политики, но хотелось бы, чтобы представители такой элитной профессии, как искусствоведение, в этом конкурсе не участвовали.

Кто-то из журналистов назвал нашу страну «страной оживающих анекдотов». И сейчас мне на память приходит старый анекдот о том, что «все женщины при встрече обсуждают три проблемы: хорошие дети, плохой муж и нечего надеть». В транскрипции оперной критики в адрес нашего театра это звучит примерно так: хороший балет, плохой оркестр и нечего посмотреть.

Намереваясь критиковать критиков, я «подковалась» теоретически, заглянула в словарь Ожегова и нашла то, что искала. «Критика – это обсуждение, разбор чего-нибудь с целью выявить недостатки».

Естественно, я почитала и Пушкина. Как известно, у Александра Сергеевича на всё есть ответ. Он понимал критику как «науку открывать красоты и недостатки в произведениях искусства и литературы».

«Чтобы произвести суждение о каком-нибудь поэте, нужно сначала изучить его. Надо совершенно отказаться от роли судьи... Творчество не забава, ...оно стоит художнику труда» - эти слова принадлежат великому русскому критику В.Г.Белинскому.

Вот то главное, что хотелось бы видеть и слышать. Сизифов труд музыканта делает его предельно ранимым, вечно неудовлетворённым. Работу над музыкальным произведением никогда нельзя завершить, оно как живой организм, вечно пребывает в каком-то состоянии: то хуже, то

лучше. Как настроение или самочувствие. Нет, музыканты не боятся критики, напротив, они нуждаются в постоянном отклике, заинтересованном суждении, добром пожелании, искреннем мнении. И если что-то действительно не ладится, то хорошая критика только помогает.

За двадцать лет своей работы в оркестре я не встречала ещё в Перми критика, который бы углубился в проблемы оркестрового исполнительства. Может быть, мне просто не повезло. А, может быть, опять права истина Ф. Вольтера: «Когда сказать нечего, всегда говорят плохо».